

*Корнеева К.А.
(Измаил, Украина)*

АНТИТЕЗА «СЛОВО – МОЛЧАНИЕ» КАК ФОРМА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАТЕГОРИЙ ПРОЯВЛЕННОГО И НЕПРОЯВЛЕННОГО

Стаття присвячена розгляду антитези «Слово – Мовчання» у ліриці Зінаїди Гіппіус і оцінці її ролі в поетичній картині світу поетеси. Вказана бінарність розглядається у контексті індивідуальної авторської філософії, відображеної у творчості З. Гіппіус.

Ключові слова: Слово, Мовчання, проявлене, непроявлене, Логос, Єдине Ціле.

Статья посвящена рассмотрению антитезы «Слово – Молчание» в лирике Зинаиды Гиппиус и оценке её роли в поэтической картине мира поэтессы. Указанная бинарность рассматривается в контексте индивидуальной авторской философии, отражённой в творчестве З. Гиппиус.

Ключевые слова: Слово, Молчание, проявленное, непроявленное, Логос, Единое Целое.

The article deals with antithesis «Word – Silence» in Zinaida Gippius' poetry and estimation of its role in the poetic picture of the world of poetess. The indicated binaryness is examined in the context of the individual author's philosophy, reflected in Z. Gippius' works.

Key words: Word, Silence, shown, unshown, Logos, Single Whole.

Рубеж XIX – XX веков в России ознаменовался глубоким кризисом общественного сознания. Вместе с тем, именно этот кризис послужил причиной активизации поисков – в нравственно-этическом, философском и эстетическом направлениях. Это стало отправной точкой формирования новой парадигмы мышления в целом и литературного творчества в частности.

Если говорить непосредственно о литературном процессе того времени, то «главной задачей «многообразных и в то же время единых интеллектуальных поисков» было «прояснение отношения новой литературы и новой культуры, во-первых, к богатому литературному и культурному прошлому, во-вторых, к западноевропейским культурным и литературным тенденциям» [2: 12]. Одним из важнейших и наиболее показательных в этом смысле событий литературной жизни того времени является повышение интереса к зародившемуся во Франции символистскому направлению и – как следствие – формирование русской школы символизма.

При рассмотрении явления символизма в целом – в контексте всей европейской культуры – становится ясно, что обстоятельства его зарождения связаны с целым рядом изменений глобального характера: «Во всём мире совершалась длительная и медленная, но глубокая и решительная, [...] революция, [...] способная преобразовать все аспекты жизни, от научного знания до экономической системы, от религиозной деятельности до коллективного поведения, от художественного восприятия до социальных институ-

© Корнеева К.А., 2011

тов, создавшая предпосылки для нового человеческого сознания и нового отношения ко всему предшествующему развитию человечества» [2: 12]. Иными словами, зарождение символизма в России не было ни изолированным процессом, ни чужеродным заимствованием. Оно происходило непосредственно в контексте эпохи и органично вписывалось в динамику развития собственно русской культуры.

Символизм зародился как комплексно-художественно-философское течение, отразившее духовные искания эпохи. Один из первых теоретиков этого направления, Жан Мореас, писал: «Символическая поэзия [...] стремится облечь Идею в чувственно постижимую форму, однако эта форма – не самоцель, она служит выражению Идеи, не выходя из-под её власти. [...] Все феномены нашей жизни значимы для искусства символов не сами по себе, а лишь как осязаемые отражения перво-Идей, указующие на своё тайное сродство с ними...» [4].

Что же касается русских символистов, то последние, несмотря на активное оперирование идеями и творческими принципами, заимствованными у Запада, сумели создать подлинно самобытное национальное искусство. Собственно, идеи западного символизма составляли лишь небольшую часть того философско-эстетического фундамента, на котором строился символизм русский. Огромное влияние на представителей данного направления в России оказали труды Вл. Соловьёва, философская лирика Ф. Тютчева, нравственная проблематика произведений А. Пушкина, Н. Гоголя Л. Толстого, Ф. Достоевского, художественное наследие поэтов-романтиков и многое другое. Вследствие этого, характерной особенностью именно русского символизма является повышенное внимание к нравственно-философской и метафизической составляющим жизни человека и поиск путей духовной реализации индивида.

Кроме того, необходимо отметить, что одним из основополагающих признаков символистского искусства в целом является также тяготение к области трансцендентного: ко всему непроявленному, недосказанному, потенциальному, к потайным смыслам и лежащим за пределами логического понимания и вербального воплощения истинам. К этому располагала сама природа символа. По словам известного французского критика рубежа веков Ф. Брюнтьера: «Символ ничего не стоит, если он не имеет скрытого смысла, то есть если он не передаёт живописно или пластично нечто само по себе недоступное и заложенное в глубинах мысли»; и далее – на что, в частности, обращает внимание Н. Н. Натырев – следует очень важное дополнение: «Всякий символ предполагает мировоззрение, без которого он не более, чем нянюшкина сказка, – всё символическое подразумевает или требует, собственно говоря, метафизики [...]» [5: 6]. Символистское словесное искусство фактически позиционировалось как единственно возможная форма выражения невыразимого, ибо только с помощью символов можно ввести в текстуальную ткань произведения то или иное явление, не называя его непосредственно, то есть, давая представление о нём (подчас предельно ёмкое и зримое), но при этом, не нарушая границ сакральной зоны умолчания.

Особенно глубокое философское осмысление темы проявленного и непроявленного бытия обнаруживается в творчестве Зинаиды Гиппиус – одного из ведущих представителей русского символизма –, о которой в 1922 году известный литературный критик Д. Мирский писал, что роль Гиппиус-поэта «огромна» и «недостаточно ещё оценена»: «На

самом деле именно она, гораздо больше, чем Бальмонт или Брюсов, сыграла наиболее плодотворную и личную роль в начале нашего поэтического возрождения 90-900-х годов» [6: 92].

В числе ключевых особенностей литературного наследия поэтессы является склонность к построению бинарностей-антитез. В предисловии к сборнику её сочинений К. М. Азадовский и А. В. Лавров так говорят о Зинаиде Гиппиус: «Её поэтический мир [...] предельно подвижен, он реализуется как непрестанный диалог между двумя противоположными полюсами» [1: 10]. И едва ли не главнейшей из таких антитез в лирике З. Гиппиус является смысловое противопоставление условных понятий проявленного и непроявленного.

Под областью «проявленного» следует понимать всё зримое, материальное, осуществлённое, опознанное, вычленённое из океана непознаваемого. В противовес ему «непроявленное» – всё, что лежит за гранью – материальности, событийности, рассудочного познания и фактического опыта. Область поэтической реализации антитезы «проявленное – непроявленное» обширна и тематически касается любого рода воплощённости/не воплощённости – будь то сфера событийности или же сфера познания и постижения. Но, наверное, наиболее зримое выражение в творчестве З. Гиппиус это смысловое противопоставление нашло в рамках оппозиции «Слово – Молчание».

В данной статье мы рассмотрим именно эту оппозицию, в основе которой лежит вопрос о возможности/невозможности (а порой и допустимости/недопустимости) словесного (прежде всего стихотворного) отображения-проявления запредельного. Эта сфера рассмотрения антитезы «Проявленное – Непроявленное» тем более интересна, потому как в конфликт с областью непроявленного (трансцендентного), синонимом которого в контексте данной проблемы выступает Молчание (как духовный феномен), входит явление Слова, которое само по себе носит оттенок сакральности – как в мировой культуре, в целом, так и в лирике З. Гиппиус, в частности.

Сразу следует отметить, что в немалом числе произведений предпочтения лирических героев З. Гиппиус ощутимо сдвигаются к полюсу непроявленного. Своё тяготение к данной сфере сама Зинаида Гиппиус предельно ясно обозначила в стихотворении «Надпись на книге»: «Мне мило отвлечённое: / Им жизнь я создаю... / Я всё уединённое, / Неявное люблю» [1: 66]. Похожие суждения звучат и в других стихах автора, в частности в «Песне» («Мне нужно то, чего нет на свете» [1: 50]) и «Снежных хлопьях» («Люблю недостижимое, / Чего, быть может, нет...» [1: 55]). Такое влечение именно к сфере непроявленного в целом понятно: непроявленность есть нереализованность ни в чём конкретно, а значит потенциальное пребывание абсолютно во всём. Молчание может нести в себе, что угодно, за ним могут скрываться любые смыслы или же их полное отсутствие. Молчание ничем не ограничено. Слово же само по себе есть ограничение, расчленение реальности. Именно в этом – в степени полноты бытия – любое из существующих слов проигрывает молчанию как всецелому нерасчленённому единству. Ни одно из них в принципе не способно передать всю непостижимую полноту запредельности, не поддающейся не только словесному, но даже чувственному определению: «Но словом прикоснуться не умею / К живущему во мне – и в тишине. / Я даже чувствовать его не смею: / Оно как сон. Оно как сон во сне» [1: 161]; «Мне кажется, что истину я знаю, – / И только для неё не знаю слов» [1: 54] и т.д.

В то же время, ничуть не меньшее внимание З. Гиппиус уделила другому смысловому полюсу рассматриваемой нами оппозиции – Слову.

Для З. Гиппиус Слово – Бог. Проявленный, зримый Бог, Логос – в противоположность безграничному и безличному Абсолюту. Оно рождается из тьмы непроявленности, хаотической бездны вероятностей. Именно такое восприятие Слова отражено в стихотворении «Наше Рождество»: «И буду молиться снова: / родись, Предвечное Слово! / За-тепли тишину земную. / Обними землю родную..». [1: 183]. Обращение к «Предвечному Слову» явно отсылает читателя к Евангелию от Иоанна, где провозглашается божественная природа Слова – изначальная по отношению ко всему сущему.

Здесь крайне важен ещё один момент. В процитированном отрывке речь идёт не о словах, а именно о Слове. А это существенно меняет смысл высказывания. Дело в том, что «Слово» – это не просто некий собирательный образ слов как единиц языка, это, прежде всего, сама идея словесного воплощения трансцендентного. Слово как сама идея слова, Слово как воплощённость. В нём как бы собраны все реализованные потенциальности и скрытые смыслы, и поэтому Слово в данном контексте так же всеобъемлюще-безмерно, как и Молчание. Ибо в Нём всё, и во всём нет ничего иного, кроме Него самого. Именно об этом свойстве Слова (которое противопоставляется словам как разрозненному множеству) автор говорит в стихотворении «Сиянья»: «Сиянье слов... Такое есть ли? / Сиянье звёзд, сиянье облаков – / Я всё любил, люблю... / Но если / Мне скажут: вот сиянье слов – / Отвечу, не боясь признанья, Что даже святости блаженное сиянье / Я за него отдать готов... / Всё за одно сиянье слов! / Сиянье слов? О, повторять ли снова / Тебе, мой бедный человек-поэт, / Что говорю я о сиянии Слова, / Что на земле других сияний нет?» [1: 228].

Собственно, слова здесь кажутся неким платоновским миром идей – высшим по сравнению с миром материальных объектов окружающей действительности. Но Слово в таком случае – это уже сама Идея идей (объединённая, а значит Единая) Истина во всей её полноте. Это делает образ Слова зеркальным отражением образа Молчания. Налицо интеграция противоположных смысловых полюсов в единое целое.

Однако, несмотря на идею о предвечном слове, в своём поэтическом творчестве любой автор так или иначе вынужден иметь дело со стандартными словами человеческого языка. Отсюда естественным образом вытекает уже упомянутая выше проблема словесного выражения сокровенного, не расчлененного на вербально-логические составляющие опыта познания.

В довольно большом числе произведений З. Гиппиус даёт лирическое описание этой творческой переработки несказанности в словесность. Как пример можно привести стихотворение «Они». В нём отражён момент поиска слов, кажущегося «кружения» смыслов (которые и подразумеваются под местоимением «они», ставшим названием стихотворения) в поле зрения лирического героя. Но тот не в силах их обуздать, выразив невыразимое: «Игра и дымность в их привете, / Отсветы мыслей, тени слов... / Они – таинственные дети / Ещё незоснанных миров» [1: 125]. Разум здесь безвластен, ибо божественные истины находятся далеко за его пределами. Лирическому герою остаётся лишь наслаждаться «порханием» смыслов вокруг себя, безо всякой надежды ухватить их и воплотить в слова: «А я, разумный и безвластный, / Заворожить их не могу, / Остановить их лёт неясный, / Зажечь на этом берегу. / Я только слышу – вьются, вьются, / Беззвон-

ный трепет я ловлю. / Играют, плачут и смеются, / а я, безвластный – их люблю» [1: 125].

В такой ситуации неизбежно столкновение между естественной потребностью автора в поэтическом самовыражении и бледностью конечного итога творческого акта. Это столкновение запечатлено, к примеру, в лирическом произведении «Колодцы»: «Слова, рождённые страданием, / Душе нужны, душе нужны. / Я не отдам себя молчаньям, / Слова как знаки нам даны» [1: 175]. Но данный настрой тут же сменяется разочарованием: «Слова в душе – ножи и копья... / Но воплощенные, в устах – / Они как тающие хлопья, / Как снежный дым, как дымный прах» [1: 175].

Невозможность подобрать слова для выражения запредельной (выходящей за рамки конкретно-вещественного, временного, событийного) реальности порождает у З. Гиппиус идею о некоем мистическом слове, в котором – в отличие от других слов – якобы должна содержаться вся неискажённая и нерасчленённая (ибо слово всего лишь одно!) Истина, лежащая за пределами рассудочного (разбитого на пункты и единицы слов) познания. Эта мысль отчётливее звучит в стихотворении «Слово». «Проходили они, уходили снова. / Не могли меня обмануть» [1: 269] – так говорила З. Гиппиус о бедных словах человеческого языка, и тут же: «Есть какое-то одно слово, / В котором вся суть. / Другие – сухой ковыль. / Другие все – мать, / Серая пыль» [1: 269].

Но, судя по последующим строкам данного стихотворения, искомое лирическим героем поэтессы слово словом (в обычном понимании) на деле и не является. Оно непроектируемо ни на одном языке, но мистическим образом слышится в звуках хаоса надвигающейся смерти: «Шла девочка через улицу, / Закричал ей слово автомобиль... / И вот, толпа над ней сутулится, / Но девочки нет – есть пыль» [1: 270].

Оно же замкнуто в неразрешимом молчании – молчании животных, не знающих членораздельности человеческой речи. Именно они своей немой изрекают Слово-Единство: «Но слово знают звери, / Молчаливые звери: / Собачка китайская / Голая, с кожей грубой, / в дверях какого-то клуба / Дрожит вечером майским, / Смотрит сторожко, – / Молчит тринадцать лет, / Как молчит и кошка / В булочной на Murette» [1: 270].

Это Слово – место пересечения речи и молчания. Оно не противостоит Молчанию как непроявленности, а напротив – сливается с ним. Ибо подобно Молчанию оно всеохватно и неделимо. Это Слово-не-Слово

Что особенно показательно в данном случае, так это сходство между этим загадочным Слово-не-Словом и «предвечным» Божественным Словом. Их объединяет: универсальность, нерасчленённость, неограниченность конкретным смысловым значением, что неизменно ставит знак равенства между ними и феноменом Молчания. Как и Божественное Слово, Слово-не-Слово можно считать связующим звеном между вербальностью и невербальностью, за счёт которого происходит синтез антитез, жизненно необходимый для лирики З. Гиппиус.

Ещё один немаловажный пункт исследования данной проблемы – это вопрос о возможности/невозможности вербального общения между людьми и выходящей непосредственно из него пункт об этике словесности.

Говоря об этом, нельзя не отметить совершенно особое отношение автора к поэтическому творчеству. В своём письме к З. А. Венгеровой (27 мая 1897 г.) З. Гиппиус писала: «Я ведь редко пишу стихи и пишу их особенно, с тем чувством, с каким другие молятся.

И потому для меня, только для меня одной, тут каждое слово важно, а для других оно не имеет силы, я это понимаю и покоряюсь» [1: 14]. Иными словами, акт сотворения поэтического произведения для З. Гиппиус был священен в принципе. Но именно подобное молитвенное восприятие акта словесного выражения делает процесс поэтического творчества и его результат глубоко интимным и – как следствие – недоступным для понимания посторонними.

Эту мысль З. Гиппиус высказала в предисловии к своему первому сборнику, которое носило название «Необходимое о стихах». Здесь, сравнивая процесс написания стихов с молитвой, она рассуждала о невозможности подлинного понимания стихов кем-то, кроме их автора. Мысль об оторванности людей друг от друга, а значит и о разрозненности, неслиянности их слов, их молитв, выражена здесь предельно чётко: «И вот, мы, современные стихописатели, покорные вечному закону человеческой природы, молимся – в стихах, как умеем, [...] виновны ли мы, что каждое «я», в наше время, теперь, сделалось особенным, одиноким, оторванным от другого «я», и потому, непонятным ему и ненужным?» [1: 47]. В процессе своих рассуждений, поэтесса приходит к весьма неутешительному выводу о том, что стихи стали никому не нужны по той причине, что исчезла «общность молитвенного порыва»: «...было время, когда стихи принимались и понимались всеми. [...] И не оттого, что прежние поэты писали прекрасные стихи, а теперешние пишут плохие. [...] Исчезли не таланты, не стихи, – исчезла возможность общения именно в молитве...» [1: 48]. По мнению З. Гиппиус, раньше «дрожали общие струны, пелись хвалы общему Богу». Теперь же у каждого свой персональный, отдельный – осознанный или неосознанный, – но свой Бог. «А потому так грустны, беспомощны и бездейственны наши одинокие, лишь нам и дороге, молитвы» [1: 48].

Пожалуй, наиболее кратко и одновременно ярко с предельной степенью исповедальности эта мысль о сакральности и крайней изолированности, индивидуализированности процесса словесного проявления внутреннего мира прозвучала в стихотворении «Есть речи»: «У каждого свои волшебные слова. / Они как будто ничего не значат, / Но вспомнятся, скользнут, мелькнут едва, – / И сердце засмеётся и заплачет. / Я повторять их не люблю; я берегу / Их от себя, нарочно забывая. / Они мне встретятся на новом берегу: / Они написаны на двери Рая» [1: 206].

Если говорить о степени необходимости словесного самовыражения вообще, то на этот счёт лирические герои З. Гиппиус высказываются подчас противоположным образом. Для начала следует сказать о том, что – как отмечают К. М. Азаволовский и А. В. Лавров – «молчание» – истинно религиозное состояние для Гиппиус» [1: 13]. Причина такого отношения к молчанию отнюдь не в пренебрежении к вербальности как таковой, а в том, что – как было сказано выше – поэтическое творчество было для З. Гиппиус сродни молитве, а следовательно не терпело обывательски небрежного отношения к слову. Любое слово, брошенное небрежно и всеу нивелируется, теряет свою ценность, и это равносильно богохульству и предательству: «Слова – как пена, / Невозвратимы и ничтожны. / Слова – измена, / Когда молитвы невозможны» [1: 180].

В творчестве З. Гиппиус также звучит мысль о том, что неумелое, праздное слово, да, может быть, и всякое слово вообще в наиболее острые, критические моменты жизни, неуместно. Так в 1914 году поэтесса направляет в адрес всех пишущих пламенный призыв: «Поэты, не пишите слишком рано, / Победа еще в руке Господней. / Сегодня еще

дымятся раны, / Никакие слова не нужны сегодня. / В часы неоправданного страдания / И нерешённой битвы / Нужно целомудрие молчанья / И, может быть, тихие молитвы» [1: 179].

Словоблудие неуместно, по мнению поэтессы, и в отношении наиболее глубинных чувств, суть которых должна быть скрыта от посторонних ушей, ибо никакими словами всё равно невозможно отобразить всю глубину чувств любящего сердца, не исказив тем самым этих чувств, как, к примеру, в стихотворении «Родное»: «Не назову родное имя, / Любовь безмолвная свята. / И чем тоска неутолимай, / Тем молчаливее уста» [1: 219]. Та же мысль звучит и в стихотворении «Тетрадь любви (надпись на конверте)». Здесь мотив священной невысказанности (а вернее даже *несказанности*) чувств сближается с мотивом любви ко всякой несвершённости вообще: «И тёмн сургуч, / Которым любовь моя запечатана. / И хочется мне печати сломать... / Но воля моя смирением связана. / Пусть будет вечно закрытой лежать тетрадь, / Пусть будет Любовь моя – недосказана» [1: 97-98]. Так проявляется идея неприкосновенности тайны, недолжности разрушения её словом.

Впрочем, нельзя не отметить, что поэзии З. Гиппиус встречаются и прямо-противоположные идеи, как, например, в «Сентиментальном стихотворении» В данном произведении звучит мысль о том, что именно слова, сказанные вовремя (в данном контексте – на пике чувства) способны сберечь это чувство в вечности уже после его смерти в сердцах людей: «Душа, быть может, разлюбила – / Что нам до мимолётных снов? / Хранит таинственная сила / Бессмертие рождённых слов. / Они когда-то прозвучали... / Пусть лжив торжественный обет, / Пускай забыты все печали – / Словам, словам забвенья нет!» [1: 64]. Похожая мысль выражена и в строках стихотворения «Тяжёлый снег»: «И я, чтоб задержать мгновенья, / Их сковываю цепью слов» [1: 210]. И в том, и в другом случае слова, обретая бессмертие, борются с течением времени и конечностью всех событий.

Подобная противоречивость суждений при всей кажущейся хаотичности очень гармонично укладывается в общую концепцию гиппиусовской лирики. И дело здесь не только в антитетичности как таковой. Сама по себе антитетичность подразумевает наличие двух полюсов смысла – противоположных точек зрения, конфликт между которыми неизменно завершается синтезом. В лирике же Зинаиды Гиппиус мы обнаружили не просто синтез, а две его различные (и вместе с тем единые по своей сути) формы. Это может говорить о том, что поэтесса не стремится к однозначному разрешению конфликта с последующим его прекращением: напротив гиппиусовская антитетичность подразумевает непрестанную динамику противостояния не только двух противоположных смыслов, но и их возможных точек пересечения. В этом плане лирику З. Гиппиус можно назвать своего рода моделью мира, где полное прекращение борьбы противоположностей в пользу окончательного нерасторжимого единства означало бы полное прекращение его существования как явления динамического с последующим переходом в состояние не-проявленности, иными словами – небытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиппиус З. Н. Сочинения: Стихотворения. Проза. / [сост., подгот. текста, вступ. ст., комм. К. Азадовского, А. Лаврова]. – Л.: «Художественная литература», 1991. – 672 с.
2. История русской литературы: XX век: Серебряный век / Под ред. Ж. Нива, И. Сермана, В. Страды и Е. Эткинда. – М.: Изд. Группа «Прогресс» – «Литера», 1993. – 356 с.
3. Мережковский Д. С. О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы / Д. С. Мережковский. Эстетика и критика: [в 2 т.]. – М.: «Искусство», 1994. – 672 [1] с.
4. Мореас Ж. Литературный манифест. Символизм / Интернет-школа Просвящение. ру. – Режим доступа к книге: <http://www.internet-school.ru/Enc.ashx?item=653705>
5. Натырев Н. Н. Поэзия Зинаиды Гиппиус: проблематика, мотивы, образы: Учебное пособие. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. – 108 с.
6. Mirsky D. S. Uncollected Writings on Russian Literature / Ed. By G. S. Smith. Berkley, 1989. – 410 с.

УДК 821.112.2.02'06:1

Мелінчук Н.В.
(Миколаїв, Україна)

ФІЛОСОФСЬКІ ОСНОВИ ВИВЧЕННЯ ІДЮСТИЛЮ ПИСЬМЕННИКІВ-РОМАНТИКІВ

У даній статті досліджено особливості філософії Ієнської школи романтиків, простежено еволюцію аксіологічних пошуків філософів-романтиків. До Ієнського гуртка належали письменники, філософи, зокрема: В.Г. Вакенродер, Новалис, Й.Л. Тік, Ф.В.Й. фон Шеллінг, брати А.В. Шлегель та Ф.Шлегель, Ф.Д.Е. Шлейєрмахер та ін.

Ключові слова: агностицизм, аксіологія, Ієнська школа, письменники-романтики, пантеїзм, романтики-філософи, філософія німецького романтизму.

В данній статті досліджені особливості філософії Ієнської школи романтиків, прослідкована еволюція аксіологічних пошуків філософів-романтиків. К Ієнському колу належали письменники, філософи, в частині: В.Г. Вакенродер, Новалис, Й.Л. Тік, Ф.В.Й. фон Шеллінг, брати А.В. Шлегель та Ф. Шлегель, Ф.Д.Е. Шлейєрмахер та др.

Ключевые слова: агностицизм, аксиология, Иенская школа, писатели-романтики, пантеизм, романтики-философы, философия немецкого романтизма.

The article researches the peculiarities of Jena Romanticism philosophy, it traces the evolution of axiological pursuit of philosophers-romanticists. The following writers,

© Мелінчук Н.В., 2011